

Новая новгородская газета

независимое издание

6 мая 2020 г.

№ 18 (1076)

75 лет Победы без парада

Жизнь может отменить парады, народные гуляния и прочие ритуалы в честь Победы. Тем ощутимее, что отменить память о ней не может ничто.

стр. 3, 14, 15

Мясной Бор... В зоне боевых действий в 1942 году здесь оказалась в окружении 2-я Ударная армия. По узкому коридору, со всех сторон простреливаемому фашистами, выйти из окружения удалось не всем. Тысячи и тысячи погибших солдат остались лежать в топких болотах и лесах.

Николай Иванович Орлов, легендарный Следопыт №1, с 1946 года восстанавливал историю 2-й Ударной армии и Любанской операции, занимался поиском погибших бойцов.

Когда Николай Иванович пришёл работать на новгородский химкомбинат, его помощниками стали комсомольцы предприятия. Тогда, в 1968 году, был образован поисковый отряд «Сокол». Новгородский «Сокол» стал родоначальником активного поискового движения не только в Новгородской области, но и в стране. Благодаря ему родилась поисковая экспедиция «Долина», стали проводиться всесоюзные и затем всероссийские Вахты Памяти.

Активно поддерживаемые профсоюзным комитетом ПАО «Акрон», поисковики продолжают свою работу. Уже сменилось несколько поколений отрядовцев. Когда-то первые следопыты «Сокола», как, например, Валентин Ефимов или Александр Калинин, в походы под Мясной Бор буквально носили в рюкзаках или водили за руку своих маленьких детей, теперь же отправляют с ними своих внуков. Нынешние молодые поисковики «Акрона», как когда-то старшие товарищи, по-прежнему «идут искать ровесников следы» - это слова из гимна «Сокола».

Сегодня своими воспоминаниями делятся те, кто был костяком первого поколения членов отряда «Сокол».

стр. 14

Фото: Сергей БРУТМАН



стр. 1

«А мы идём искать ровесников следы»

справка:

Из окружения за весь период вышли, по разным оценкам, от 13 до 16 тысяч воинов 2-й Ударной армии. По докладу Особого отдела Волховского фронта, судьба 27 139 человек осталась неизвестной.

«Бегом одолели 30 километров»

Любовь НАЗАРОВА:

С тех далёких лет, когда отряд «Сокол» вступил на земли Мясного Бора, прошло 52 года. Многие остались в прошлом, стёрлось из памяти, но первые походы останутся незаживающей раной на всю жизнь.

До станции Мясной Бор мы ехали на поезде, иногда нас подвозила машина электроцепа. Шли молча, друг за другом. Первым всегда шёл Николай Иванович Орлов, шупом проверяя каждый метр. Воды было много, ноги были мокрые, но мы не обращали на это внимания, шли, не отставая.

Вокруг – разбитые машины, винтовки, патроны, пулемёты, искорёженная полевая кухня, раненные стволы деревьев, на сучьях которых висели солдатские ремни. Проритые каски лежали и на земле. Неподдалёку – воронки, заполненные водой, их много. На краю одной – ботинок, обрывок ткани. Жуткая картина. Сердце сжималось, комок подступал к горлу на этом кладбище металла со следами человеческой трагедии.

Потом был второй поход, третий и следующие. Нас никто не заставлял идти в лес. Какое-то внутреннее чувство вело нас.

Мы шли по узкоколейке, оставались у дуба, где была могила Константина Лаврентьевича Шумакова, ночевали в единственном сохранившемся доме в деревне Ольховка на берегу реки Кересть.

Однажды в два часа ночи до нас добрался Валентин Ефимов. Он задержался в Новгороде, но не мог пропустить поход, и один ночью добрался к нам, как смог.

В одном из походов мы очень долго искали могилу Всеволода Багрицкого. По описанию сотрудников редакции газеты «Отвага», его похоронили на перекрёстке двух дорог, возле аэродрома, под сосной, на которой была сделана надпись. Мы нашли сосны на краю леса, затёсы на них, но сомнения оставались. Место его захоронения было обнаружено позже. Был уже вечер, заканчивался выходной день, нужно было возвращаться в Новгород, чтобы на следующий день идти на работу. Добрались до деревни Оссия, но рейсовый автобус не пришёл. И нам надо было совершить марш-бросок до деревни Горёнка. Мы за полчаса почти бегом, с рюкзаками, одолели около 30 километров. Прибежали в последний момент к приходу поезда из Рогавки. Машинок подождал, пока мы хотя бы вещи побросаем в тамбур, и большая часть ребят прыгала в поезд на ходу. Дыхание восстанавливали до самого Новгорода, сил не было даже, чтобы из тамбура перебраться в вагон.

Очень хочу назвать тех, кто в числе первых начал ходить с Николаем Ивановичем Орловым в лес. Это Татьяна Зыбина, Галина Звездочётова, Валентин Андреев, Тамара Знышева, Геннадий Яковлев, Вера Сивец, Георгий Пузанов, Ирина Савинова, Алексей Скала, Александр Калинин, Валерий Гильбо, Анатолий Прокопенко, Валентин Ефимов, Владимир Киселёв, Владимир Есипович, Александр Орлов, Александр Мишин.

Очень сложно было перезахоронить найденных бойцов: 2-ю Ударную армию считали предательской. Мы взяли на себя ответственность

восстановления имён без вести пропавших. Писали письма, чтобы разыскать родственников. И они начали к нам приезжать. Мы стали открыто говорить о трагедии 2-й Ударной армии, о героизме её бойцов.

«Об этих болотах рассказывала мама»

Надежда ЕГОРОВА:

В начале мая 1976 года я начала работать заместителем секретаря комсомольской организации НПО «Азот». Главным человеком, от которого я узнала страшную правду о гибели 2-й Ударной армии в болотах Мясного Бора, был Николай Иванович Орлов. Он рассказал, что с 1946 года находил огромное количество останков погибших сол-



В экспедиции с Н. И. Орловым. 1960-е годы.

дат, а когда попадались смертные медальоны – сообщал родным. Я читала письма родственников и понимала, как это было необходимо тем, кто считал своих сыновей, отцов, братьев, мужей без вести пропавшими или, ещё хуже – предателями своей Родины.

В сентябре 1976 года в первый раз пошла в лес. Там познакомилась с ещё одним неравнодушным к чужому горю человеком – Виктором Глотовым. С ним, Борисом Гринцевичем, Юрием Шаровым, Александром Орловым мы стали часто бывать на местах боёв. Эти страшные болота влекли меня ещё по одной причине. Моя мама одиннадцатилетней девочкой жила со своей семьёй в деревне Витка, оккупированной немецкими и испанскими солдатами из «Голубой дивизии», и ей не раз приходилось прятаться от врагов в этих лесах.

...Зимой 1978 года мы отправились на лыжах на берег реки Кересть. Там во время страшных боёв был захоронен сержант Константин Шумаков. На дубе его однополчанина была вырезана надпись. Однажды во время грозы молния разрушила дерево. Мы хотели найти осколки с памятной надписью. Мне повезло. Недалеко от нашей стоянки, в снегу, на куске дерева я увидела надпись: «Артиллерист-зенитчик погиб геройской смертью в борьбе с германским фашизмом за социалистическую Родину. Старший сержант Шумаков К.Л. 1917 - 31 мая 1942 года». Позже этот фрагмент принесли в музей ПАО «Акрон», где он и сейчас хранится.

Медальоны мы в лесу не открывали, чтобы не рассыпались много лет пролежавшие в болоте бумажные листочки. Но часто чёрные футляры оказывались пустыми.

Накануне 9 мая 2005 года мы пошли в водный поход по реке Кересть небольшой группой, состоящей из четырёх ветеранов клуба «Сокол», со мной были Александр Калинин, Валерий Гильбо и Галина

Бухарова. На второй день мы приплыли в поисковый лагерь школьников. У костра общались с ребятами, рассказывали им о своих находках, они нам показывали свои. На следующий день рано утром мы оказались у большой воронки, образованной взрывом авиабомбы. Не прошло и часа, как я раскопала медальон. Увидеть в грязи маленький чёрный футлярчик – то, ради чего каждый год в лес идут поисковики.

«Я нашёл тебя, отец»

Валентин ЕФИМОВ:

С Николаем Ивановичем Орловым я познакомился в 1968 году, часто заходил к нему в мастерскую. Я работал в электроцехе, а он сначала в цехе метонала, а потом на аммиаке. Моим начальником был Анатолий Прокопенко, который в числе самых первых ходил в походы с Николаем Ивановичем в 1968 году.

Самой яркой для меня была весна 1969 года, мой первый поход. Мы ехали на поезде Новгород – Новолисино. Вышли на переезде Огорелье, километра три пешком прошли до реки Кересть. Мы тогда искали могилу Всеволода Багрицкого. Но нашли место захоронения старшей медсестры 364-го передвижного полевого госпиталя Таисы Марсаковой, которая с мая 1942 года считалась пропавшей без вести.

Время шло, в отряде появлялись новые люди, молодые. И

пажа, восстановили историю его гибели. Мне захотелось сходить ещё раз на это место. По прямой – это километра два, но надо речку переходить и по лесу, болоту шагать. Думаю – пойду вдоль речки, хоть это и длиннее.

Обошёл протоку. Долго иду, вижу, что тут копали поисковики. Затем соснычок миновал, ёлки пошли. И смотрю – ограда, памятник стоит, на нём две доски из нержавеющей стали. На них надписи. На одной имя, даты рождения и смерти. До ближайших населённых пунктов идти – далеко, чёрт ногу сломит, откуда, думаю, посреди леса захоронение? Слова, вырезанные на второй табличке, запомнил на всю жизнь: «Я нашёл тебя, отец, через 47 лет». Под ними дата – 1989 год. Начал вычислять: значит, захороненный здесь боец погиб в 1942 году. А надпись сделал сын. Может быть, он был поисковиком и нашёл место гибели отца. И, наверно, часто здесь бывает – могила не запущенная, ухоженная.

Пошёл дальше. Шёл и повторял про себя фразу с памятной доски – это был как будто бы крик чьей-то души.

Вдоль берега реки – вырытые окопы. Ржавые каски, коробки от противогазов, железки. Понял, что иду уже совсем не туда, но ноги как будто бы сами собой ведут меня... Вот лес становится светлее и чище, дубки показались. Вышел на край поля, оно заросшее, трава, бурьян. Солнце заходит за опушку, и вдруг по центру поля что-то блеснуло. Прощёл метров 250-300. Посреди поля стоит маленький почерневший деревянный крестик – у поисковиков принято находки помечать. Надгробие из кирпича, развалившееся. А над ним возвышается большой металлический крест. Есть энтузиаст в области, который на свои средства такие знаки на примечательных местах устанавливает.

Я дошёл до креста и упал на колени. Как будто бы наваждение какое-то, слёзы из глаз. Не скажу, что я несдержанный человек или слишком эмоциональный. Но тут стоял на коленях и плакал, успокоиться не мог. А потом – как будто заново всё вокруг увидел. И стало хорошо, очень спокойно на душе, и нет ни груза на сердце, ни печали.

Вот такая история. Не знаю, что и почему меня вело к этой братской могиле на середине далёкого поля. Есть вещи необъяснимые.

«Несли на руках, как ребёнка»

Валерий ГИЛЬБО:

Ходить в лес я начал с Николаем Ивановичем ещё до создания отряда «Сокол». Он меня брал в спутники в Мясной Бор. Сейчас вспоминаю первый поход – это что-то ужасное было. Когда всё на виду, на поверхности – тела солдат, ещё не истлевшие, лежат, просто покрытые опавшей листвой. Не представлял, что такое можно увидеть. Я не знал, с чего начинать, и Орлов мне подсказал, что надо искать в районе пояса, там может быть медальончик. Объяснил, что если мы найдём медальон, узнаем имя солдата, это будет помощь его родителям: пенсия и прочее.

По адресу из медальона послали письмо в Харьковскую область. Приехали его родные. Мы с Александром Калинин повели их на место, где погиб солдат. У них было немного времени, приехали ведь на выходные дни. Добираться было сложно, не так, как сейчас, когда у всех есть свой транспорт. Примета была – поваленное дерево, и мы уже почти ночью нашли захоронение.

Нужно было видеть лица родных... Они помогали нам поднимать останки, руками разгребали землю, бережно. Складывали косточки ря-

дом, осторожно. И главное – как они уносили останки. Мы обычно что используем? Рюкзак. А они завернутые в материю косточки несли всю дорогу на руках, как ребёнка. Это переживание осталось у меня на всю жизнь.

В «Долину смерти» я ходил много лет, за исключением трёх, когда был командирован от химкомбината на Кубу. Получалось, что в одной палатке спал с нынешним исполнительным директором «Акрона» Владимиром Гавриковым, он в своё время был комиссаром «Сокола». Личных находок медальонов у меня было с десяток, это точно.

«С самолёта сбрасывали сухари»

Александр КАЛИНИН:

Да, тот медальон солдата из Харьковской области нашёл я. Там была поляна, где, куда ни глянь – каска, каска, каска – кругом погибшие бойцы. Это был не стандартный вкладыш в медальон, а просто листок бумаги. На нём карандашом был написан адрес жены: Харьковская область, город Волчанск, Ковалёвой Александре Максимовне. Мы с Валерием кости солдата собрали, и на это место, чтобы заметно было, повалили берёзу, воткнули винтовку и повесили компас, который был при убитом.

И вот приехали из Харьковской области семь человек – вдова, сестра, два сына, насколько я помню – они были военными, два внука нашего солдата. Повели мужчин на место. А в том районе с нашей подачи уже второй год работала сапёрная рота псковских десантников. А как работают сапёры? Они рубят проходы, чтобы потом обследовать местность по квадратам. И этих берёз навалено кругом... Мы от одной к другой, третьей – свою найти не можем, винтовки-то нету. Но, наверно, всё-таки есть Бог. Уставшие, сели на поваленную берёзу и закурили. Валера фонарём посветил – а винтовка-то прямо под нами торчит, и мы сидим на этой самой берёзе. Разожгли костёр, светло стало, как днём. Так мы достали останки погибшего солдата. А хоронили его на центральном кладбище в Мясном Бору.

Я в Новгород приехал в 1969 году, уже зная о том, что на химкомбинате есть отряд «Сокол». Телепередачу с Сергеем Сергеевичем Смирновым и Николаем Ивановичем Орловым о «Долине смерти» видел, ещё когда учился в Тульском политехническом институте. Пришёл вставать на учёт в комитет комсомола и сразу, по собственному желанию, попал в «соколовское полымя».

Помню, как ветераны в первый раз к нам приехали перед 9 мая 1969 года, когда мы открывали памятник 18-му артиллерийскому полку резерва Главного Командования. Накануне мы водили их по местам боёв. Дошли тогда до Полисти. К встрече всего подготовили, чтобы угостить. А они есть не стали. Водку пили, поминая погибших товарищей. И закусывали сухарями. «Нам здесь сухари с самолёта сбрасывали», – говорили.

К слову, экспедиция «Долина» вообще-то большое дело сделала, находя и перезахоранивая бойцов. Ведь под Мясным Бором костей была тьма-тьмуша. Сейчас, конечно, культурный слой нарос, а нам, когда ходили в походы, – копать ничего не надо было, убитые лежали просто на поверхности, поисковики их называют «верховыми». Нам просто не под силу было захоранивать всех, хотя первые массовые захоронения останков бойцов начал именно «Сокол». Сейчас поисковики поднимают и санитарные захоронения, но в войну и в окопах хоронили, просто их засыпая.

Публикацию подготовила

Наталья МЕЛКОВА

Фото Сергея КОТИЛЕВСКОГО и из архива Музея ПАО «Акрон»



Есть записка в медальоне! Он в руках у комиссара отряда «Сокол» Николая АЛЕКСЕЕВА. 1980-е годы.